

Православное обозрение

1890. Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П68

П68 Православное обозрение: 1890. Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 444 с.

ISBN 978-5-458-03075-5

ISBN 978-5-458-03075-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

другаго рода доказательство существованія какого-либо предмета, когда эмпирически мы не знаемъ и не можемъ знать о его существованіи, но на основаніи различнаго рода умозаключеній нашего разума приходимъ къ убѣжденію, что такой-то предметъ необходимо долженъ существовать: такого рода доказательство мы назовемъ апіорнымъ или рациональнымъ въ строгомъ смыслѣ слова.

Какого рода доказательства требуетъ нашъ разумъ для обоснованія истины бытія Божія? Такъ какъ, по мнѣнію многихъ философовъ, Божество не можетъ быть предметомъ нашего чувственнаго ощущенія (разумѣя здѣсь ощущенія не только внѣшнихъ, но и внутренняго чувства), то единственно возможнымъ доказательствомъ его существованія остается только второй способъ, — доказательство рациональное. Мы должны вывести истину бытія Божія какъ необходимый логическій результатъ изъ какихъ-либо другихъ положеній, имѣющихъ несомнѣнную достовѣрность для нашего разума. Чтобы такой взглядъ имѣлъ логическую силу и значеніе рациональнаго доказательства, нужно соблюденіе двухъ условій: 1) чтобы выводимая истина (бытія Божія) была действительнымъ, а не мнимымъ только выводомъ изъ данныхъ положеній, т.-е. чтобы она не содержалась прикровенно въ тѣхъ посылакахъ, изъ которыхъ выводится заключеніе, иначе это уже будетъ не доказательство въ точномъ смыслѣ слова известной истины, а только повтореніе ея въ иной формѣ или разъясненіе ея для нашего сознанія. 2) Другое условіе состоятельности апіорнаго доказательства то, чтобы тѣ положенія, изъ которыхъ выводится или которыми доказывается известная истина, были во всякомъ случаѣ болѣе достовѣрными и несомнѣнными, чѣмъ доказываемая при помощи ихъ истина; въ противномъ случаѣ мы впадемъ въ ту логическую погрѣшность, которая называется *petitio principii*, когда доказывается какое-либо положеніе тѣмъ, что само еще требуетъ доказательства.

Но выполняютъ ли эти нормальныя требованія рациональнаго доказательства истины бытія Божія?

Что касается до перваго требованія, то въ подтвержденіе невозможности рациональныхъ доказательствъ бытія Божія, ихъ противники начиная съ Канта обыкновенно указываютъ на то

обстоятельство, что всякаго рода доказательствамъ этой истины неегда *предшествуетъ* въ нашемъ разумѣ предположеніе этого бытія и что повтому они не могутъ быть названы рациональнымъ выводомъ какой-либо новой и дотолѣ неизвѣстной истины изъ извѣстныхъ и дознанныхъ положеній. Съ этимъ мнѣніемъ, какъ оно ни кажется опаснымъ для состоятельности доказательствъ бытія Божія, мы должны согласиться и притомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, именно—что никакое доказательство этого рода не было бы возможнымъ, еслибы въ нашемъ разумѣ не существовало предварительно понятія о Богѣ.

Къ этой мысли ведетъ насъ уже самый процессъ возникновенія въ нашемъ разумѣ опытовъ доказательствъ бытія Божія. Исторія показываетъ, что идея о Богѣ гораздо старше всѣхъ возможныхъ доказательствъ ея истины, даже въ самомъ простомъ и неразвитомъ ихъ видѣ. Подобнаго рода доказательства появляются очень поздно, вслѣдствіе возникшихъ уже сомнѣній въ этой истинѣ; развиваются они мало-по-малу, вообще составляютъ достойніе школы, извѣстны только людямъ знакомымъ съ философіей. Дѣйствительное религиозное сознаніе не знаетъ о нихъ; признаніе бытія Божія въ немъ основывается не на доводахъ разума, но на непосредственномъ чувствѣ и вѣрѣ, поддерживаемой авторитетомъ положительныхъ религій. Что было въ жизни рода человѣческаго, то повторяется въ жизни каждаго отдѣльнаго лица; убѣжденіе въ истинѣ бытія Божія возникаетъ въ насъ не изъ умозаключеній разсудка и не изъ философскихъ размышленій о сущности бытія и о первой его причинѣ; оно раньше ихъ и тѣмъ области знанія научнаго, не нуждается въ нихъ. Дѣятельность разсудка, и то въ болѣе теоретически развитыхъ личностяхъ, приводить впослѣдствіи для разъясненія, повѣрки и подтвержденія существующаго уже въ насъ религиознаго убѣжденія.

Къ тому же заключенію приводитъ насъ кромѣ указаній исторіи и психологическаго наблюденія и анализъ доказательствъ бытія Божія, какъ въ ихъ совокупности, такъ и въ отдѣльности.

Что такое значитъ доказывать извѣстное положеніе? Доказывать—значитъ прискивать къ данному положенію какія-либо рациональныя основанія, почему мы должны признать это положеніе не случайно возникшимъ въ насъ или принятымъ по до-

вѣрю къ другимъ мнѣніемъ, но мыслию, удовлетворяющею логическимъ требованіямъ достовѣрности. Отсюда видно, что доказывая что либо, мы уже имѣемъ первоначально въ умѣ, какъ данное, то положеніе, которое доказываемъ; это положеніе служитъ какъ исходнымъ началомъ доказательства (его тезисомъ), такъ и его окончательною цѣлью (выводомъ); ибо цѣль нашего доказательства, въ случаѣ его удачи, въ томъ и состоитъ, чтобы возвратиться къ тому положенію, изъ котораго мы вышли, но превративъ его, при помощи рациональнаго изслѣдованія, изъ положенія недоказаннаго въ рационально обоснованную истину. Априорное доказательство подчинено тому же закону; оно не есть, какъ утверждаютъ, иногда выводъ совершенно новой и неизвѣстной истины изъ дознанныхъ положеній. Ибо, какимъ образомъ былъ бы возможенъ подобный выводъ, еслибы мы не имѣли ни малѣйшаго предварительнаго понятія о томъ, что мы желаемъ вывести (доказать а priori) изъ данныхъ посылокъ? Такой выводъ могъ бы быть только случайнымъ; извлекая изъ случайно взятыхъ положеній логически заключающіяся въ нихъ послѣдствія, мы могли бы правда натолкнуться и на понятіе о Богѣ. Но очевидно также, что подобный способъ априорнаго вывода истины бытія Божія рѣшительно противорѣчитъ и дѣйствительному ходу нашего мышленія и самому понятію о рациональномъ доказательствѣ, которое требуетъ правильнаго метода въ построеніи доказательства, а не случайнаго блужданія между различными мыслями и положеніями въ надеждѣ получить какой-либо неожиданный результатъ, — въ видѣ новой истины. Правильный же методъ здѣсь состоитъ въ томъ, что предварительно мы должны имѣть въ виду данный тезисъ (напр. истину бытія Божія) и затѣмъ пытаться оправдать этотъ тезисъ чрезъ приведеніе его въ связь съ какими-либо априорными истинами нашего разума. И въ области научно-эмпирическаго познанія производя какой-либо искусственный опытъ (экспериментъ) или наблюденіе надъ явленіемъ природы, мы должны предварительно установить цѣль нашего опыта, ясно сформулировать вопросъ, который мы предлагаемъ природѣ и отвѣта на который ждемъ отъ опыта. Иначе, не имѣя яснаго представленія о томъ, чего мы ожидаемъ отъ опыта, производя опыты и наблюденія не авось, мы или не получимъ никакого отвѣта на нашъ вопросъ или отвѣты

неудачные и способности ввести насъ въ заблужденіе. Тѣже и въ области познанія рациональнаго; чтобы рациональное обоснованіе (доказательство) какой-либо истины было удачно, мы должны имѣть по возможности опредѣленное понятіе объ этой истинѣ; иначе наше мышленіе будетъ не методическимъ и рациональнымъ, а обыденнымъ и ненаучнымъ мышленіемъ, которое можетъ иногда привести насъ къ правильному мнѣнію о вещахъ, но не къ достоверно научному знанію. Отсюда видно, что самый процессъ рациональнаго доказательства бытія Божія возможенъ только при предположеніи существованія этой истины въ нашемъ умѣ.

Такое заключеніе подтверждаетъ и анализъ изложенныхъ нами частныхъ доказательствъ бытія Божія. Изъ этихъ доказательствъ прежде всего мы должны исключить онтологическое, психологическое и историческое, такъ какъ они ясно и прямо исходятъ изъ предположенія идеи о Богѣ какъ факта, даннаго въ личномъ и общечеловѣческомъ сознаніи; они стараются только оправдать истину этого факта, первое—путемъ метафизическимъ, второе—психологическимъ, послѣднее—указаніемъ на его всеобщность. Взглянемъ на остальные доказательства. Космологическое повидимому исходить изъ факта, неизмѣющаго ничего общаго съ идеею о Богѣ; изъ замѣчаемой повсюду ограниченности, условности и несовершенства вещей, оно заключаетъ къ необходимости признать первую и безусловную причину міра. Но здѣсь возникаютъ вопросы: 1) могли ли бы мы имѣть понятіе объ ограниченности, условности и несовершенствѣ бытія, еслибы въ насъ не было хотя смутнаго понятія о бытіи неограниченномъ и всесовершеннымъ? 2) Еслибы такое понятіе и было возможно, то имѣли ли бы мы тогда логическое право заключать отъ бытія условнаго къ безусловному? На тотъ и другой вопросъ мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Понятія условнаго и безусловнаго, конечнаго и безконечнаго, несовершеннаго и совершеннаго суть понятія коррелятивныя, одно другое предполагающія и немыслимыя одно безъ другаго. Какимъ образомъ я могъ бы имѣть понятіе объ условности, ограниченности и недостаткахъ вещей, еслибы во мнѣ не было нѣкотораго понятія о бытіи неограниченномъ и безусловномъ? Какимъ образомъ, скажемъ съ Декартомъ, я могъ бы знать, что я и другія вещи несовершенны, еслибы не имѣлъ идей о существѣ болѣе совер-

пенномъ, чѣмъ мое и окружающихъ меня вещей, по сравненію съ которымъ я сознавалъ бы недостатокъ, какъ своей, такъ и внѣшней природы?—Но если даже предположимъ, что въ разумѣ первоначально и самостоятельно существуетъ понятіе о конечномъ и условномъ независимо отъ идеи безусловнаго, то отъ этого понятія, однимъ путемъ умозаключенія, мы не могли бы перейти къ понятію существа безконечнаго и безусловнаго. Единственнаго понятія, какова здѣсь можетъ достигнуть разумъ—это простое отрицаніе условнаго и ограниченнаго. Съ этимъ отрицательнымъ понятіемъ нѣкоторые дѣйствительно старались осуществить идею безусловнаго; но мы видали несостоятельность этого мнѣнія ²⁾. Здѣсь займемъ лишь то, что еслибы безусловное, къ которому можетъ придти разумъ, не имѣло передъ собою ничего кромѣ условнаго и ограниченнаго даннаго во внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ,—еслибы оно было отрицательнымъ понятіемъ послѣдняго, то идея о Богѣ никоимъ образомъ не могла бы возникнуть въ нашемъ умѣ. Такое отрицательное понятіе было бы отрицаніемъ всякаго понятія о Богѣ какъ о реально существѣ безусловномъ объектѣ; потому что совершенно невысказано допустить, чтобы какимъ-либо процессомъ мышленія это отрицательное понятіе бытія внезапно превратилось въ положительное—въ идею существа абсолютно сущаго съ совершеннымъ забвеніемъ его настоящаго смысла; для такого превращенія нѣтъ никакого повода, никакой ни логической, ни психологической возможности. Если же въ дѣйствительности нашъ разумъ отъ конечнаго и условнаго даннаго въ опытѣ заключаетъ къ реальному и положительному безусловному не данному въ опытѣ, то это оттого, что въ немъ уже дана идея абсолютнаго существа; путемъ космологическаго довода нашъ разумъ только оправдываетъ ее наблюденіемъ надъ свойствомъ вещей условныхъ и ограниченныхъ,—подтверждаетъ, что эти вещи суть дѣйствительно условныя и ограниченныя, не соответствующія той идеѣ безусловнаго, которую онъ носитъ въ своемъ умѣ. Итакъ, мы должны признать, что въ космологическомъ доказательствѣ идея безусловнаго (божества), если и не предшествуетъ, какъ полагаютъ

---

²⁾ Психол. док. бытія Божія. Прав. Обзор. за 1867 г. февраль: стр. 224. 275—279.

Декартъ, то во всякомъ случаѣ дана вмѣстѣ и неразрывно съ идеєю условнаго въ нашемъ умѣ и поэтому не можетъ быть апіорнымъ выводомъ изъ этого послѣдняго.

Не счастливы ли въ этомъ отношеніи будутъ остальные доказательства: телеологическое, гносеологическое и нравственное? Можетъ-быть въ нихъ мы дѣйствительно исходимъ изъ такихъ посылокъ, въ которыхъ не дано и съ которыми не соединено ни малѣйшаго скрытаго предположенія бытія Божія и оно вытекаетъ черезъ нихъ въ видѣ новой истины, чтó и требуется отъ рациональнаго доказательства? Въ доказательствѣ телеологическомъ, человекъ рассматривая предметы и явленія природы, замѣчая въ нихъ законосообразность, совершенство, красоту, повинуюся логическому требованію разума искать причины явленій, приходитъ къ предположенію *первой* причины міра, а подѣ влияніемъ того же требованія—искать достаточной причины, приходитъ къ мысли, что эта причина не есть частная и ограниченная, но *всесовершенная* и абсолютная—Богъ. Обратимъ вниманіе на понятія: *первая, всесовершенная* причина. Дѣйствительно ли къ этимъ понятіямъ неизбѣжно ведетъ законъ достаточнаго основанія, еслибы въ нашемъ разумѣ въ видѣ посылки было дано только представленіе о бытіи частномъ, ограниченномъ и несовершенномъ? Наша мысль, не нарушая этого закона, могла бы остановиться на ближайшихъ причинахъ данныхъ явленій, на причинахъ, такъ-называемыхъ, вторичныхъ, какъ и теперь не только въ обыденной жизни, но и въ сферѣ эмпирическаго познанія, останавливается на нихъ и ими удовлетворяется. По мнѣнію многихъ философовъ познаніе первыхъ и абсолютныхъ причинъ не только не выражается какими-либо требованіями познанія, но въ сущности противорѣчитъ его интересамъ ²⁾. Далѣе,

---

²⁾ Эта мысль, первое зерно которой находимъ у Бакона, получила полное свое развитіе въ столь распространенномъ въ наше время позитивизмѣ и въ родственныхъ съ нимъ агностицизмѣ и релятивизмѣ. Всѣ эти направленія въ стремленіи отыскивать первыя и абсолютныя причины вещей видятъ величайшую опасность для познанія и заблужденіе нашего ума. Всѣ эти причины (въ томъ числѣ и абсолютная первопричина бытія),—пустыя и ни къ чему непригодныя метафизическія фикціи. Но если и существуютъ такія причины, то для познанія онѣ совершенно недоступны и бесполезны. Дѣло положительнаго познанія изученіе ближайшей связи и законовъ явленій, данныхъ въ опытѣ—того, что прежде называли вторичными причинами.

положимъ, нашъ разумъ не удовлетворится ближайшими причинами явленій: что можетъ заставить его искать *одной*, послѣдней причины, а недовольствоваться рядомъ причинъ одна другую условливающихъ и идущихъ въ безконечность? По мнѣнію Канта, такой способъ воззрѣнія не только не противорѣчитъ законамъ разсудка, но даже болѣе содѣйствуетъ расширенію нашего познанія въ области научной, чѣмъ воззрѣніе противоположное. Положимъ далѣе, что нашъ разумъ изъ двухъ равно возможныхъ для него предположеній—признать безконечную цѣпь причинъ или одну абсолютную послѣднюю причину, почему либо остановился на послѣдней. Есть ли для разума принудительная логическая необходимость при опредѣленіи этой причины выходить за границы извѣстнаго ему міроваго бытія и искать причины отличной отъ міра и всесовершенной? При разборѣ космологическаго доказательства мы видѣли, что такая абсолютная причина бытія могла бы быть найдена и въ самомъ мірѣ какъ его собственная, субстанціальная основа, будемъ ли мы представлять эту основу вещественною (матеріализмъ) или духовною (идеализмъ). Если же нашъ разумъ, не смотря на естественную возможность или ограничиваться изслѣдованіемъ ближайшихъ только причинъ явленій или останавливаться на первопричинахъ не имѣющихъ ничего общаго съ живою идеею о Богѣ, тѣмъ не менѣе путемъ разсмотрѣнія природы приходитъ къ понятію высочайше разумнаго Виновника міра, то это зависитъ отъ того, что ему уже предносится идея о такомъ существѣ, а рациональное разсмотрѣніе природы и ея явленій только подтверждаетъ и разъясняетъ эту идею.

Послѣ сказаннаго нами о доказательствахъ космологическомъ и телеологическомъ намъ нѣтъ особой нужды останавливаться на остающихся, — гносеологическомъ и нравственномъ. Очевидно эти доказательства возможны и имѣютъ значеніе только при предварительномъ существованіи въ нашемъ разумѣ идей, — объ абсолютномъ всесовершенномъ знаніи и объ абсолютномъ нравственномъ совершенствѣ, иначе предполагаютъ идею абсолютнаго. Если бы этой идеи въ насъ не было, то въ насъ не возникло бы и вопроса объ условіяхъ возможности вполне достовѣрнаго знанія и полнаго нравственнаго совершенства, — вопроса, рѣшеніе котораго и приводитъ насъ къ заключенію, что то и другое возможно

лишь съ признаніемъ истины бытія Существа всесовершеннаго. Итакъ, мы должны признать, что существующія доказательства бытія Божія не удовлетворяютъ нормѣ строгаго рациональнаго доказательства, такъ какъ они предполагаютъ за собою понятіе о Богѣ, и это понятіе болѣе или менѣе незамѣтно входитъ въ посылку доказательства, по крайней мѣрѣ значительно вліяетъ на самый ходъ доказательства, направляя его именно къ тому заключенію, къ которому можетъ-быть и не пришелъ бы нашъ разумъ, еслибы оно не было подсказано идеею о Богѣ.

Удовлетворяютъ ли теперь доказательства бытія Божія второму выставленному нами требованію рациональнаго довода, чтобы послышки или положенія, изъ которыхъ выводится истина Божія, обладали такою несомнѣнною достовѣрностію, которая служила бы ручательствомъ достовѣрности и выводимой изъ нихъ истины, которая очевидно предполагается не столь достовѣрною, такъ какъ она имѣетъ нужду въ доказательствѣ, въ приведеніи ея въ связь съ болѣе достовѣрными положеніями. Эти послышки или основоположенія доказательствъ бытія Божія намъ извѣстны. Онтологическое доказательство исходитъ изъ того положенія, что необходимымъ понятіямъ нашего мышленія должна соответствовать дѣйствительность; слѣдовательно и необходимому понятію нашего разума о Богѣ должно соответствовать его реальное бытіе. Космологическое,—что цѣль взаимно условливающихъ друга друга причинъ не можетъ простираться въ безконечность; слѣдовательно должна быть признана причина первая и безусловная. Телеологическое,—что въ мірѣ есть порядокъ, цѣлесообразность, красота; слѣдовательно должна быть высочайшая, разумная причина міра. Психологическое исходитъ изъ факта существованія въ насъ априорной идеи о Богѣ и единственно возможное объясненіе этого факта находитъ въ признаніи бытія Существа высочайшаго. Историческое основывается на положеніи: въ чемъ согласны всѣ и всегда, то мы должны признавать несомнѣнною истинною; слѣдовательно такое же значеніе должно имѣть и всеобщее убѣжденіе людей въ бытіи Божіемъ. Нравственное утверждаетъ, что въ насъ есть врожденный нравственный законъ и что въ мірѣ нѣтъ нормальнаго соответствія между добродѣтелью и счастьемъ, отсюда вытекаетъ необходимость признать бытіе верховнаго Законодателя

и Мадовоздателя. Но разсматривая эти положенія, которые должны служить основаніемъ для вывода истины бытія Божія, можемъ ли мы сказать, что они имѣютъ безусловную принудительную силу для мышленія, представляютъ собою нечто въ родѣ аксіомъ, никакое сомнѣніе въ которыхъ невозможно? Очевидно нѣтъ. На ряду съ этими основоположеніями стоятъ другія имъ противоположныя и до сихъ поръ отстаиваютъ свое право существованія въ философскомъ мірѣ. Такъ, ученіе о соответствіи нашего мышленія бытію и объективномъ значеніи необходимыхъ понятій и идей нашего разума, встрѣчаетъ сильнѣйшее противодѣйствіе въ субъективномъ идеализмѣ, признающемъ за этими понятіями и идеями одно лишь формальное значеніе въ области нашего познанія. Основаніе космологическаго аргумента — немислимость безконечнаго преемства причинъ, теряетъ свое значеніе съ точки зрѣнія критической философіи Канта. Цѣлесообразность міра отвергается въ эмпирической философіи и та же самая природа, которая для однихъ мыслителей представляетъ очевидныя доказательства премудрости и благости Творца, для другихъ, въ своихъ, кажущихся неразумными, явленіяхъ, подаютъ поводъ къ возраженіямъ не только противъ этихъ свойствъ, но противъ самаго существованія виновника міра. Всеобщность религіи — фактъ далеко не единогласно признаваемый философами, не говоря уже о признаніи всеобщаго согласія людей за критерій истины. То же должно сказать и о прирожденности идей о Богѣ и нравственности и о несоответствіи на землѣ между нравственною дѣятельностію и счастіемъ.

Что всѣ эти, противорѣчація основоположеніямъ доказательства бытія Божія, воззрѣнія, оказываются несостоятельными при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, это конечно справедливо и несостоятельность большей части ихъ указана нами въ изложеніи этихъ доказательствъ. Но во всякомъ случаѣ для общей оцѣнки разсматриваемыхъ нами доказательствъ здѣсь важно для насъ то, что основоположенія ихъ не имѣютъ того значенія, какое было бы желательно для чисто рациональнаго доказательства, какъ вывода изъ положеній вполне носомнѣнныхъ.

Но можетъ-быть не имѣя достовѣрности абсолютной, они имѣютъ достовѣрность относительную въ томъ смыслѣ, что представляютъ собою положенія сравнительно болѣе и тверже

обоснованныя, чѣмъ выводима изъ нихъ истина. Но и этого сказать нельзя. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что тѣ самыя положенія, которыми доказывается истина бытія Божія, въ свою очередь могутъ (и были иногда) доказываемы истинною бытія Божія, какъ болѣе несомнѣнною и твердою. Такъ напр. убѣжденіе въ истинности нашего мышленія и его законовъ служитъ необходимымъ предположеніемъ состоятельности и самыхъ доказательствъ бытія Божія; но въ то же время полное убѣжденіе въ истинѣ нашего мышленія возможно только при предположеніи истины бытія Божія. Такъ напр. Декартъ истину нашего мышленія доказывалъ тѣмъ, что Богъ не могъ дать намъ законовъ познанія обманчивыхъ и ведущихъ къ заблужденію. Изъ того, что все въ мірѣ устроено разумно, мы заключаемъ о Богѣ, какъ всесовершенномъ виновникѣ міра; а для объясненія фактовъ кажущейся неразумности и нецѣлесообразности (напр. физическихъ бѣдствій) мы прибѣгаемъ къ идеѣ о Богѣ и заключаемъ что невозможно, чтобы въ мірѣ, какъ произведеніи премудраго Творца, могло быть что-либо безцѣльное и бессмысленное; слѣдовательно и явленія, кажущіяся намъ неразумными, въ дѣйствительности имѣютъ какую-либо цѣль. Но и независимо отъ этого, равномѣрность и равноправность передъ судомъ разума доказываемой истины (бытіе Божіе) и доказывающихъ ее положеній видна уже изъ того, что возраженія, которыя могутъ быть выставлены противъ нея, насколько не сильнѣе тѣхъ возраженій, какія могутъ быть выставлены противъ каждаго изъ основоположеній доказательствъ бытія Божія. Можно даже сказать болѣе, что доказываемая истина въ этомъ отношеніи имѣетъ даже преимущество предъ ними. Такъ напр. можно приводить довольно сильныя аргументы противъ соответствія нашего мышленія дѣйствительности, противъ цѣлесообразности міра, противъ всеобщности религіи и пр.; но что касается до истины бытія Божія самой по себѣ, то даже Кантъ, не признававшій значенія за доказательствами бытія Божія, призналъ за несомнѣнное, что и противоположнаго положенія, т.-е. небытія Божества, доказать нельзя.

Изъ всего доселѣ сказаннаго нами слѣдуетъ, что если къ доказательствамъ бытія Божія прилагать строго логическую мѣрку апіорно-раціональнаго доказательства, то они не выдерживаютъ